

*Памяти Мануэла Карвалейру
и Жозе Фонсека-и-Кошты*

Содержание

1. Подолог, обрушивший империю.....	9
2. От Вимиейру до Лиссабона	55
3. Изощренный террор.....	131
4. Повседневная жизнь диктатора.....	163
5. Два года мертв, но жив	197

1

Подолог, обрушивший империю

Португальская империя пала из-за человека по имени Аугушту Илариу*, простого и скромного подолога. Он жил, ни на шаг не отступая от своего привычного распорядка, до утра 3 августа 1968 года — года, полного событий, ничуть не взволновавших дремлющую Португалию.

Суббота, 3 августа, казалась обычным днем: солнце взошло в пять утра, в газетах писали о Пражской весне, Том Джонс объявил о концерте в Лиссабоне, заработала автоматическая телефонная линия между столицей и Фару, самый пожилой португальский эмигрант приехал из Бразилии, чтобы погостить на родине, в Понта-Делгада состоялись похороны доктора Франсишку Луиша Тавареша, одного из основателей Республики. Командование вооруженных сил в Португальской Гвинее объявило об ожесточенных столкновениях: погибло 18 повстанцев и 5 солдат португальской армии. В газетах появились сообщения и о других павших военных: это были фурьер Антониу ду Нашименту Пиреш Кинташ из Брагансы и солдат Алвару Альберту Консейсан Тейшейра из Лиссабона, погибшие в Мозамбике, Эрнешту Жезуш Дуарте из Вила-ду-Конди и Раул Жоахим Кошта из Лиссабона, нашедшие свою

* В данном издании мы старались следовать современным рекомендациям для воспроизведения португальской фонетики в русском языке, за исключением устоявшихся имен и названий. — *Прим. ред.*

гибель в Анголе, и командир Андре Родригиш Пинту из Резенди, убитый в Гвинее.

В тот день примерно в восемь часов утра на Руа-ду-Карму в Лиссабоне остановился служебный автомобиль, чтобы забрать «элегантного, высокого и худого» мужчину. Этим человеком был Аугушту Илариу, личный подолог председателя Совета министров, унаследовавший эту должность от отца. Его отец был родом из Визеу и учился в той же школе, что и Салазар. Он оставил сыну в наследство врачебную практику и ценного клиента. С Аугушту у Салазара установились такие же близкие отношения: подолог стал для него человеком, с которым можно было и поболтать, и помолчать. Молчать приходилось затаив дыхание — в те моменты, когда Аугушту обрабатывал его пальцы ножницами.

Подолог и диктатор — это были непростые отношения. Пока Аугушту вычищал грязь из-под ногтя его большого пальца, Салазар то предавался воспоминаниям молодости, то задумывался об их тайной круговой поруке. Отношения старого диктатора со своим доктором можно было назвать постоянными — они виделись каждые три недели. Регулярность этих встреч объяснялась не прихотью Салазара, а его физической потребностью. Салазар сломал правую ногу еще в молодости, но так и не восстановился. Его кости стали хрупкими, а на ступнях образовывались мозоли, причиняя боль. По этой причине он носил очень мягкие и тонкие, можно сказать, детские ботинки, а противники режима с некоторым презрением называли его *Votas**.

Автомобиль сорвался с места, но вскоре застрял в пробке — люди ехали к морю, на пляжи Оэйраша, Эшто-рила и Кашкайша. Прибыв в форт Санту-Антониу-да-Барра

* Ботинки (*порт.*)

в Эшториле, Аугушту Илариу поприветствовал охранников, затем толкнул окованную железом деревянную дверь и на мгновение задержался в холле, чтобы рассмотреть азулежу* на стенах с иллюстрациями к поэме «Лузиады» великого Луиша де Камозэнса. Он поднялся по лестнице на первый этаж, затем на второй, там повернул направо и пересек длинный коридор со сводчатым потолком, объединявший два крыла форта. В помещении, известном как Ноев ковчег, Салазар обычно читал книги и газеты, обедал и принимал посетителей. Аугушту открыл четвертую дверь слева и вошел в разделенную аркой большую комнату с выкрашенными белой краской шкафами у каждой стены: эта комната называлась гардеробной. Справа был уголок, где дона Мария де Жезуш Каэтану Фрейре, экономка Салазара, вошедшая в историю, готовила еду для премьер-министра. Аугушту положил свой чемоданчик и начал готовить инструменты для лечебного педикюра.

В этот момент на третьем этаже Салазар надевал свой белый льняной костюм. Выйдя из комнаты, он проследовал по короткому коридору, спустился на два лестничных пролета, пересек «Ноев ковчег», вошел в комнату, где ждал Аугушту, поприветствовал его и попросил передать ему газеты, присланные из председательского дворца. Среди газет были *The Daily News* и *The Ball State Daily*, хотя его излюбленным чтением на протяжении десятилетий оставалось национальное издание *Diário de Notícias* — именно ему он некогда дал свое первое интервью в жизни. Из-за бюрократических проволочек документы председателя Совета министров не были готовы ко времени выезда

* Азулежу (*порт.* azulejo) — традиционные португальские изразцы для украшения наружных и внутренних стен.

машины из столицы, так что в форт они прибыли только поздним утром. В любом случае, было некогда говорить о музыке, театре или представлениях в Сан-Карлуш*, как это происходило обычно.

Аугушту Илариу повернулся и принялся споласкивать руки в настенной раковине, думая о том, как вылечить искривление большого пальца, натоптыши, мозоли, грибок, бородавки и вросшие ногти председателя, как массировать его больную стопу — изъян, о котором знала только его семья и который держали в строгом секрете. Вдруг Аугушту услышал грохот и тотчас же оглянулся. Салазар, имевший обыкновение, садясь, плюхаться с размаху, недооценил расстояние до деревянного шезлонга с полотняной спинкой. Под его тяжестью полотно подалось, и Салазар ударился головой об пол. На глазах у Аугушту он на полу корчился от боли.

Подолог сильно встревожился из-за случившегося, а диктатор, напротив, казался спокойным. Аугушту в панике помог пострадавшему подняться и осторожно усадил его на стул. Отметив, какое у председателя бледное лицо, он предложил позвать на помощь, но Салазар отрицательно покачал головой.

Через несколько минут диктатор решил, что будет лучше держать произошедшее в тайне. Он потребовал, чтобы подолог никому не рассказывал об этом. Поколебавшись, Аугушту согласился и протянул Салазару стакан подслащенной воды, но тот снова жестом отказался. Оставив газеты на полу, Салазар молча ждал, пока Аугушту закончит свою работу.

* Национальный театр Сан-Карлуш — оперный театр в Лиссабоне, основанный в 1793 году.

Только один человек заметил, что произошло нечто странное, — экономка доня Мария. Но она подумала, что в доме просто хлопнула дверь. На всякий случай она все же спустилась вниз и сразу поняла, что председатель сильно ударился головой. В ужасе она попыталась убедить его немедленно вызвать врача, но Салазар снова отказался. Через пять дней предстоял плановый визит доктора Эдуарду Коэлью, приходившего раз в две недели, и премьер-министр не видел никаких причин торопить врача.

* * *

Холодок ужаса пробежал по всему его телу. Он почувствовал, что внезапно постарел. Он привык тщательно себя контролировать, однако на этот раз, похоже, телесная немощ могла взять верх над силой духа. Ему было 79 лет, но, помимо возраста, на него давило и другое тяжкое бремя, которое он нес с 1932 года, — власть. Его тайной силой была невидимость. Его здоровье не привлекало внимание до того самого проклятого августа 1968 года. Салазар управлял империей из чего-то вроде одиночной кельи в Сан-Бенту*, которую он почти никогда не покидал. «Для меня политика — это работа», — говорил Салазар, когда его приглашали посетить подвластные ему обширные территории по всему миру. Даже Лиссабон казался необъятным Салазару, любившему фамильный дом в селекции Вимиейру, огород, виноградник, прогулки, праздник Вознесения, который он никогда не пропускал. Но если что и казалось ему совершенно непозволительным, так

* Дворец Национального собрания Сан-Бенту — резиденция португальского парламента в Лиссабоне. Построен в XVII в. Позади здания расположен особняк, который с 1938 г., когда в него въехал Салазар, стал резиденцией премьер-министра.

это то, что дом, стены и поля Вимиейру, расположенного в муниципалитете Санта-Комба-Дан округа Визеу, приходили в запустение так же, как и его империя. С прохудившейся крыши белого здания осыпалась черепица, сад за домом дичал и зарастал бурьяном, а у него не было времени заняться родовым гнездом, потому что приходилось думать о том, как отразить нападения в Анголе, защитить мирных жителей в Мозамбике, изловить партизан в Португальской Гвинее, остановить студенческие акции протеста. Не говоря уже о непримиримых внутренних противниках и эмигрантах, которые разоблачали его во всех уголках Европы, не понимая миссии, возложенной на него судьбой. Миссии спасти бывшую Португальскую империю от распада: «Одна родина, единая и неделимая», как любил он повторять в своих выступлениях по радио.

Объектом поклонения стал не его образ, а его имя. Он был тишиной, тайной, невидимкой, он был подобен Богу и стоял лишь на одну ступень ниже верховного небесного владыки. Ему нельзя было себя показывать. У него не было ни возраста, ни тела, ни чувств. Он не говорил прямо, а вещал как оракул, иносказаниями и символами, и то, что он говорил, нужно было истолковывать и переводить на язык простых смертных. Как и Бог, он каждому назначал его судьбу: богатые должны были оставаться богатыми, бедные — мириться со своей долей, оппозиционеры — подвергаться репрессиям, которые он называл «своевременной встряской» и «предостережением, призывом не идти дальше по неверному пути». Конечно, он допускал возможность прощения, но лишь на словах, а не на деле, дабы не разорвать паутину непреложных принципов Нового государства — своего политического и организационного детища, основанного на двух незы-

блемых понятиях: корпоративизме и колониализме. Этой паутиной была система строгая и сдержанная, незаметная и непроницаемая, несокрушимая и непреклонная; система, возвышающая роль государства, одного из старейших в мире, роль Церкви — одной из самых сильных и традиционных, и роль исторического пути — одного из самых значительных на всем земном шаре.

Бессмертие этой системы было в его руках. И тело, разумеется, не могло его предать, думал он, любуясь закатом с террасы форта Санту-Антониу-да-Барра в Эшториле и отмечая для себя, что империя по-прежнему на своем месте, такая же непоколебимая, как и он сам, за пределами горизонта открытий и неизведанного океана, который его предки пересекали безо всякого страха. Он представлял в уме крошечные зернышки на карте — остановки на морском пути в Индию: Мадейра, Порту-Санту, Азорские острова, Кабо-Верде, Гвинея, Сан-Томе и Принсипи, Кабинда, Ангола, Мозамбик, Гоа, Даман и Диу, Португальский Тимор и, наконец, Макао.

Все замерло в его мыслях: настоящее, прошлое, будущее. Он был мозгом Португалии, он помнил все остановки кругосветного путешествия по Индийскому пути, хотя никогда не совершал его. Ему казалось, что это он открыл архипелаг Кабо-Верде, завоевал Гвинею и Анголу, достиг Гоа и Малакки, это он торговал рабами и пряностями, это он был богатым адмиралом, бедным кормчим, повелителем бурь, головорезом, жертвой крушения империи. Он мечтал перевозить на кораблях рабов из Ажуды, сопровождать на работу шахтеров из Дондо, сборщиков кофе из Уиге и какао из Сан-Томе, лесорубов из Гвинеи, рыбаков из Кабо-Верде, рабочих из шахт Кабинды, алмазоискателей из Луанды, йогов из Гоа, торговцев из Малакки,

топасов* из Тимора, игроков и сутенеров из Макао. И если в этих фантазиях среди мангровых зарослей и лиан, лесов и змей ему встречался кто-нибудь из населявших форт Санту-Антониу-да-Барра, какой-нибудь ветеран войны, Салазар неизменно сокрушался о потере Португальской Индии — это было единственным подлинным сожалением всей его жизни.

В ночь на 22 июля 1954 года, когда индийские солдаты и сепаратисты заняли Дадру, колониальный механизм дал сбой. Две недели спустя пал Нагар-Хавели. Была сформирована проиндийская администрация, а сама территория вошла в состав Индии только в 1961 году. Это было первое неслыханное оскорбление, нанесенное потомкам Генриха Мореплавателя. Салазар долго хранил фотографию человека по имени Анисету ду Розариу, который был сержантом небольшого индо-португальского полицейского участка в Дадре и в момент восстания пожертвовал собой — ради всех детей империи. Он стал первым героем деколонизации. Салазар воспринимал эту потерю как проклятие: лишиться даже одного порта на Дороге специй означало для него разрушить весь маршрут, связывавший португальские владения от метрополии до заморских колоний. Об этом говорил и представитель Лиссабона на процессе в Международном суде ООН в 1960 году, отстаивая принадлежность португальскому государству территорий Дадры и Нагар-Хавели.

Без этих маленьких бусин — некогда покоренных земель — четки лузитанского христианского мира казались порванными, а год спустя они потеряли и форт Сан-Жуан-

* Топасы — потомки от браков португальцев с местными жителями Восточного Тимора, говорившие на австронезийском языке тетум.

Батишта-де-Ажуда, без особых усилий аннексированный Дагомеей, которая позже стала Бенином. Поэтому Салазар, несмотря ни на что, стоял насмерть и удерживал оставшуюся часть Индийского пути, чтя священную миссию, возложенную Богом на португальских христиан, дабы они вывели заблудшие народы из бездуховной тьмы анимизма и научили их истинной вере. И хотя он не сомневался, что рано или поздно Бог призовет его к себе, он хотел жить вечно благодаря своей империи: «Я хотел бы насладиться зрелищем того смятения, в которое впадет страна, когда меня не станет». Он был существом высшего порядка, как Бог, Богоматерь Фатимская или Иисус, сошедший на землю; он был всем и ничем, бесконечностью и могуществом. Он воплощал в себе и дух нового португальского Средневековья, встроенного в контекст XX века, и необъятную ширь Атлантического океана, и морскую связь между Европой и Востоком, и вызов неизведанным землям, и гордый блеск открытий и завоеваний. Господь Вседержитель положил руку Свою на плечо Генриха Мореплавателя и возложил на него задачу покорять океаны. Итак, земледельческому народу Португалии, малочисленному и незначительному, предстояло дать христианское имя и христианское будущее огромному миру — миру, простиравшемуся за пределы мыса Доброй Надежды, теплых морей Индии и холодных морей Китая.

* * *

Аугушту Илариу был охвачен смятением и страхом. Вернувшись в Лиссабон, он взял ручку, бумагу и написал: «Достопочтенный господин Председатель, в состоянии глубокой тревоги и растерянности я покинул сегодня Вашу резиденцию. Я молю Бога, господин Председатель, чтобы

такое опасное падение не имело никаких последствий. Выражаю Вам свое глубочайшее уважение и надеюсь, что Вы находитесь в полном здравии. Извините, если потревожил».

Но легче ему от этого не стало, и, терзаемый дурными предчувствиями, он вернулся в форт, чтобы лично передать конверт, который пролежал всю ночь в атриуме на первом этаже. В десять часов утра следующего дня Антониу да Силва Телеш, начальник секретариата Салазара, увидел конверт, вскрыл его и прочитал письмо. В то время в президиуме Совета министров не было управляющего делами. Салазару помогали только два секретаря — Силва Телеш и Анселму Кошта Фрейташ, которые каждый день поочередно ездили из Лиссабона в Эшторил, чтобы разбирать корреспонденцию.

Анселму Кошта Фрейташ был молодым предприимчивым человеком. Цвет его глаз менялся от освещения — от голубого в пасмурную погоду до зеленого в солнечную. Ему едва сравнялось 30 лет, но в шевелюре уже виднелась проседь. Из семи детей в семье он был самым младшим и уже в три года лишился матери. Несколько дней назад, 23 июля 1968 года, он женился на Даниэле, дочери майора Сарсфилда Родригиша (которого Салазар хорошо знал, потому что несколько раз приказывал его арестовать). Церемонию бракосочетания проводил старший брат Анселму — Мануэл, бывший священником. Именно Анселму первым заметил некоторые загадочные изменения в поведении диктатора после того, как тот упал.

Письмо от подолога Антониу да Силвы Телеша читал затаив дыхание. Как только Салазар показался в кабинете, распространяя слабый запах бальзама, Антониу сразу спросил:

— Как вы себя чувствуете, господин Председатель? Я только что узнал из письма Иларию, что вы пострадали при падении!

Салазар пожал плечами и ответил:

— О, господин Иларию мне написал? Да, это правда. Я собирался сесть в кресло, но оно неудачно стояло, и я промахнулся — упал на пол, ударился затылком. Чувствую некоторое онемение в теле, мажу больное место специальным кремом, и мне уже лучше.

И Салазар тут же отправил ответное письмо Аугушту Иларию: «Похоже, никаких других последствий падения, кроме ушиба, нет. Большое спасибо».

На самом деле головная боль мучила его, и довольно сильно. Поэтому 6 августа Салазар принял своего лечащего врача Эдуарду Коэлью, который провел быстрый неврологический осмотр и не обнаружил никаких «подозрительных» изменений. Несмотря на это, доктор был встревожен. Лицо его вытянулось, рот превратился в нитку, а на широком лбу появились неожиданные морщины — признак внутреннего напряжения. В тот день он объяснил Салазару и доне Марии, что в результате падения могла образоваться внутричерепная гематома, которая может развиваться и незаметно — в течение нескольких дней, недель или месяцев. Поэтому он попросил незамедлительно с ним связаться, если появятся какие-нибудь странные симптомы. Салазар был спокоен, но выказывал некоторую нерешительность. Доктор Коэлью уже распланировал отпуск: сначала он поедет в путешествие по Рейну, затем в Эльзас и, наконец, в Париж — навестить своего сына Алвару, который работал в университете и занимался исследованиями в области клеточной биологии. Однако он решил отложить поездку и заброниро-

вал номер на 15 дней в Hotel Estoril Sol, расположенном в нескольких километрах от форта.

Это беспокойство было продиктовано причинами не медицинского, а личного характера. Эдуарду Коэлью был лечащим врачом Салазара с 1945 года и испытывал к нему искреннюю симпатию. Он прекрасно изучил физические и психические реакции его организма.

В нескольких письмах, адресованных диктатору, врач описывал себя как «преданного друга, который благодарен за привилегию заботиться о здоровье своего пациента». Салазар же подарил доктору свою фотографию с памятной надписью: «Врач и пациент — это два человека, которые посвящают свою жизнь друг другу до окончательной победы над болезнью и смертью». Вера Салазара в «окончательную победу над болезнью и смертью» объяснялась тем, что Эдуарду Коэлью считался легендой медицины. Он был одним из лучших современных кардиологов Португалии и первым преподавателем кардиологии на медицинском факультете Лиссабонского университета.

Но их связывала и общая история. Оба они были родом из португальской сельской местности, глухой и туманной, архаичной и провинциальной: Салазар — из Бейра-Алта, а Коэлью — из Минью. Доктор часто вспоминал, что в начальных классах ему приходилось каждый день проходить по три километра пешком — от дома до школы. Возможно, еще и поэтому он так не любил дискомфорт. У входа в аудиторию, где он преподавал, Коэлью повесил табличку со словами: «Не обращайтесь на критику, она исходит от близких мне людей».

Коэлью учился в Коимбрском университете вместе с Антониу Эгашем Монишем, получившим в 1949 году Нобелевскую премию за изобретение префронтальной

лейкотомии, которая впоследствии была преобразована американскими хирургами в полноценную лоботомию (с пересечением большого числа нервных волокон). Эдуарду Коэлью защитил докторскую диссертацию под руководством Мониша, стал его ассистентом и женился на одной из его племянниц. Эдуарду был рядом со старшим коллегой в четыре решающих момента: славы, успеха, драмы и смерти. Слава пришла к профессору 28 июня 1927 года, когда он провел первую в истории церебральную ангиографию — метод, позволивший увидеть сосуды головного мозга с помощью рентгенографии с контрастом и обнаружить опухоль. Эдуарду Коэлью находился в проявочной рентген-кабинета: именно он, осознав, что процедура работала, вскричал: «Эврика! Эврика!» Он был рядом и тогда, когда Мониш стал лауреатом столь желанной Нобелевской премии, принесшей ему международное признание. Кроме того, Коэлью был свидетелем драмы, которая произошла 14 марта 1939 года. На прием к Монишу пришел Габриэл Кодегал де Оливейра Сантуш, который на протяжении 9 лет страдал от психических проблем. Пациент попросил выписать ему более серьезные препараты, но, как только Мониш взял бланк рецепта и приступил к делу, он почувствовал, что ручка выскочила из руки. Это была первая пуля, попавшая в него. После пятой он попытался встать, но Габриэл выпустил в него еще две пули. Эгаш Мониш выстоял перед потоком свинца. У пациента оставался только один патрон. Он выстрелил, но промахнулся. Не заметив этого, он вышел в коридор и принялся кричать: «Я убил доктора Эгаша Мониша!» Через несколько секунд в сопровождении еще одного врача появился Эдуарду Коэлью, который работал на том же этаже. Профессор, лежавший в луже крови, произнес театральным тоном:

«Дайте мне спокойно умереть. Я смертельно ранен. Это чудовище изрешетило меня пулями. Я больше не могу». Эдуарду Коэлью вызвал скорую помощь, которая немедленно прибыла, и профессор Эгаш Мониш выжил. А когда нобелевский лауреат действительно умер, Коэлью тоже оказался рядом. Это был холодный день 13 декабря 1955 года: тогда у Эгаша Мониша случился острый приступ подагры и открылось сильное желудочное кровотечение. Он умер у Коэлью на руках.

С тех пор Коэлью опасался, что и Салазар станет жертвой столь же внезапного приступа. Доктор и диктатор познакомились благодаря семье Серраш-и-Силва из Коимбры — очень близкими знакомыми Салазара. Коэлью тоже сумел с ним подружиться. Салазар как-то даже подарил доктору пару туфель и неоднократно преподносил ему цветы. В Сан-Бенту доктор Коэлью чувствовал себя как дома: созрели ли овощи в огороде, снесли ли куры свежие яйца, привезли ли фрукты из Санта-Комба-Дана — донна Мария всегда приглашала его за стол. Они обедали вместе, и казалось, что они находятся на ферме, а не в резиденции премьер-министра.

Взгляд на море

Монотонная и скучная жизнь форта Санту-Антониу-да-Барра шла своим чередом, как и каждое лето. Последнее публичное выступление Салазара состоялось 13 июля на демонстрации транспортников, державших одинаковые лозунги — «Транспортники благодарят Салазара». 26 июля Салазар и его экономка донна Мария по традиции переехали в Эшторил. Их переезд в форт позволил устроить ежегодную уборку кабинетов в Сан-Бенту. Построенная

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru